

М. Тимофеевъ.

ПАМЯТИ

ПРОФЕССОРА

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА

КПРИЧНИКОВА.

(Рѣчь, произнесенная въ Одесской городской аудиторіи, 11 мая
1903 года).

ХАРЬКОВЪ.

Типографія „Печатное Дѣло“ нн. К. Н. Гагарина, Клочковск.—5.
1905.

4908

~~2484(2) x11 g~~
~~2448.4(440) 708g~~

L

~~26/11/00~~

М. Тимофеевъ.

ПАМЯТИ

ПРОФЕССОРА

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА

ВИРШИЧНИКОВА.

(Рѣчь, произнесенная въ Одесской городской аудиторіи 11 мая
1903 года).

Проверено
ЦНБ 1939

ХАРЬКОВЪ.

Типографія „Печатное Дѣло“ кн. К. Н. Гагарина, Клочковск.—5.
1905.

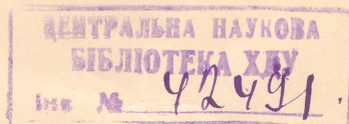
Центральная Научная
Библиотека Харьк. ун-та

Отдѣльные оттиски изъ Сборника Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества т. XIV.
Печатать разрѣшается на основаніи § 37 Устава Историко-Филологическаго Общества
Предсѣдатель Проф. *Н. Сумцовъ*.

84 99
79

Профессоръ Александръ Ивановичъ Кирпичниковъ.

K

Памяти А. И. Кирпичникова.

(Рѣчь, произнесенная въ одесской городской аудиторіи, 11 мая 1903 г.).

Лучшіе люди всѣхъ странъ давно уже стремятся къ тому, чтобы образованіе было доступно всякому безразлично, какъ доступны всѣмъ воздухъ и солнце. Всѣ двери школъ—и низшихъ и высшихъ—должны быть широко распахнуты рѣшительно для всѣхъ, жаждущихъ свѣта, знанія. Образованіе есть солнце и воздухъ, безъ которыхъ жить нельзя. Истинное образованіе, поставленное широко и разносторонне, ставящее цѣлью готовить людей для жизни, а не выпускать недоучекъ, какъ теперь, и воспитывать въ нихъ чувства христіанскаго человѣколюбія, справедливости, полной вѣротерпимости, любви и уваженія ко всякой національности, чувства солидарности и единенія, сознанія общей связи людей, чувства нравственной отвѣтственности всѣхъ за счастье каждаго и каждаго за счастье всѣхъ,—такое образованіе въ состояніи произвести чудеса.

Въ жизнь людей надо вносить побольше свѣта: нужно давать не только знаніе, обогащать умъ, нужно развивать, обогащать, воспитывать сердце на идеалахъ прекраснаго, нужно, словомъ, просвѣщать массу въ широкомъ и глубокомъ значеніи этого слова. Широкое просвѣщеніе, проникая во всѣ углы, гдѣ только пріютился человѣкъ, разливаясь повсюду обильно, въ силахъ будетъ сотворить именно чудо—показать до очевидности ясно, какимъ великимъ разумомъ, какимъ глубочайшимъ сердцемъ одарилъ Творецъ человѣка. Теперь мы такое чудо видимъ въ геніяхъ, въ тѣхъ свѣточахъ человѣчества, которые, подобно яркимъ, ослѣпительнымъ зигзагамъ молніи, пронизываютъ царящій мракъ и указываютъ людямъ свой путь, хотя пройденный ими съ трудомъ, но приведшій ихъ за то ближе къ цѣли—къ познанію Творца и къ сознанію въ себѣ той силы, какой надѣлилъ ихъ Творецъ. Путь этотъ нами уже проложенъ, вступайте на этотъ путь,—говорятъ они людямъ,—и вы

станете богами. Но какъ мало такихъ, которые могутъ понять этихъ геніевъ, какъ мало такихъ, которые, понявши, могутъ найти этотъ путь и пойти по немъ смѣло, рѣшительно, не оглядываясь по сторонамъ, нигдѣ не останавливаясь!.. Какъ неизмѣримо много такихъ, которые со-всѣмъ не имѣютъ никакого представленія даже о существованіи геніевъ человѣчества, не знаютъ ихъ подвиговъ, тѣхъ идеаловъ, къ которымъ они стремились, тѣхъ безсмертныхъ трудовъ, которые они оставили на благо другимъ!.. Если бы вся эта масса просвѣтилась этимъ божественнымъ даромъ, сколько бы новыхъ геніевъ она выдѣлила изъ своей среды, теперь такъ безслѣдно исчезающихъ, какъ высоко поднялся бы общій уровень развитія всѣхъ, какихъ «америкъ» не открыли бы новые геніи, во всеоружіи накопленнаго вѣками знанія, какъ все человѣчество въ цѣломъ и въ лучшихъ своихъ представителяхъ шагнуло бы впередъ по пути развитія культуры, какъ измѣнилась бы самая жизнь людей, какимъ бы благомъ она имъ показалась, какой бы въ ней нашли всѣ смыслъ и счастье! Это—задача всѣхъ наукъ и искусствъ широкая, грандіозная.

Смѣю думать, таковы были и общественные идеалы Александра Ивановича.

Не скоро еще наступить такое время для Россіи. Во всей Японіи нѣтъ ни одного неграмотнаго, въ Германіи 1 *неграмотный* приходится на 100 человѣкъ, а въ Россіи 1 *грамотный* приходится на 1000 человѣкъ.... Недалеко еще то время, когда въ Россіи боялись образованія, какъ какой-то чумы или заразы. Лѣтъ 25 назадъ Щедринъ писалъ: «Что наша провинція *слѣпа*—это даже очень хорошо, потому что если бы всѣ люди были зрячіе, то, пожалуй, и на солнцѣ замѣтили бы пятна»...

Слава Богу, времена уже не тѣ! Народъ давно освобожденъ отъ крѣпостной зависимости. Необходимость освобожденія массы отъ вѣковѣчной тьмы и невѣжества съ каждымъ днемъ сознается все настоятельнѣй и настоятельнѣй.

Число школъ замѣтно растетъ. Поднять даже вопросъ о всеобщемъ обученіи. Открываются повня высшія учебныя заведенія, откуда распространится новый свѣтъ въ темную массу. Повсемѣстно распространяются народныя чтенія, народныя библіотеки, народныя театры, доступныя лекціи, воскресныя школы для взрослыхъ; издаются въ огромномъ количествѣ дешевыя полезныя книги.

Много еще нужно сдѣлать, чтобы полная безграмотность и тьма русская отошли въ вѣчность, но хорошо и то, что дѣло просвѣщенія не стоитъ на мѣстѣ, а ежедневно растетъ, крѣпнѣетъ, развивается.

Свои мысли и чувства человекъ можетъ выражать устнымъ и письменнымъ словомъ, мимикой, музыкой, живописью, скульптурой, но изъ всѣхъ этихъ способовъ наисовершеннѣйшій—*живое* устное слово, драгоценнѣйшій Божій даръ, рѣзко отличающій человека отъ животныхъ. Всѣ другіе способы,—не исключая и лучшаго изъ нихъ, письменнаго слова,—лишь суррогаты живого слова, замѣняющіе его либо по условіямъ пространства и времени, когда непосредственное общеніе физически невозможно, либо по инымъ условіямъ и требованіямъ, когда живую рѣчь необходимо замѣнить и закрѣпить въ наиболѣе выразительной формѣ. Живое устное слово охватываетъ языкъ со всѣхъ сторонъ, въ полномъ объемѣ; письменная же форма—лишь блѣдное отраженіе живой рѣчи, неполный объемъ языка.

«Слово писанное,—говоритъ преосвященный Амвросій,—въ лучшемъ своемъ значеніи, есть озеро воды, собранной вѣками и заготовляемой для будущаго; слово же устное есть ключъ живой воды, бьющій прямо изъ источника, журчащій и сверкающій передъ глазами путника и съ особенною силою манящій его къ утоленію жажды».

Если живое слово имѣетъ такое огромное значеніе вообще, то это значеніе неизмѣримо увеличивается въ неграмотной Россіи,—это наиболѣе дѣйствительная форма распространенія знаній въ массѣ. Вотъ почему аудиторіи, гдѣ можно дѣйствовать на массу именно путемъ живого слова, могутъ сослужить огромную службу въ дѣлѣ просвѣщенія этой массы.

Мы всѣ сегодня собрались почтить память замѣчательнаго человека, собрались въ зданіи, которое по справедливости можетъ быть названо будущимъ народнымъ университетомъ, для всѣхъ одинаково доступнымъ. Возникло оно не сразу, а имѣетъ свою исторію. Его настоящее есть *зерно* прошлаго и въ то же время зерно *будущаго* развитія. Мы всѣ оплакиваемъ утрату одного изъ тѣхъ замѣчательныхъ русскихъ людей, которыми такъ бѣдна Россія, одного изъ тѣхъ свѣточей знанія, имя котораго должно быть вписано на страницы исторіи русскаго самосознанія и истиннаго просвѣщенія.

Профессоръ всеобщей литературы А. И. Кирпичниковъ провелъ въ Одессѣ съ 1885 по 1897 г., т. е. 12 лѣтъ, и за это время успѣлъ сдѣлать для просвѣщенія темной массы въ Одессѣ столько, сколько не сдѣлали за это время сотни другихъ общественныхъ дѣятелей на этомъ поприщѣ. Въ дѣлѣ созиданія будущаго народнаго университета онъ сыгралъ исключительную роль. Безъ его инициативы и дѣятельности мы не имѣли бы ни этихъ аудиторій—здѣсь и на Слободкѣ-Романовкѣ,—ни той серьезной постановки дѣла въ видѣ систематическаго курса лекцій

по разнымъ отраслямъ знанія, какую мы имѣемъ сейчасъ. Близкая утрата такого дорогого для нашей аудиторіи руководителя не даетъ возможности теперь же спокойно и безошибочно опредѣлить ни той тяжести утраты, ни того значенія, какое онъ имѣлъ для развитія аудиторскаго дѣла. Да простятъ мнѣ поэтому слушатели тѣ невольные недостатки и пробѣлы въ дальнѣйшемъ изложеніи, которые неизбежны въ такія минуты. Мнѣ хотѣлось бы возстановить передъ вами хоть въ слабой степени тотъ чарующій образъ А. И., какой навсегда и глубоко запечатлѣлся въ моей памяти, выразить слабымъ словомъ то счастье, какое я испытывалъ при встрѣчахъ и совмѣстной работѣ съ нимъ... Съ первой встрѣчи и до послѣдней минуты мнѣ представлялся онъ какимъ-то свѣтлымъ геніемъ, всегда зовущимъ на общественную работу, всею своею жизнью говорящимъ, что всѣ мы отвѣтственны за счастье каждаго и каждый за счастье всѣхъ. Не зная отдыха, не соразмѣряя своихъ силъ, онъ всю жизнь свою посвятилъ народному просвѣщенію въ широкомъ и глубокомъ значеніи этого слова, всегда готовый на посильную помощь тѣмъ, которые желали послужить этому великому дѣлу. Всю свою жизнь онъ свято выполнялъ заповѣдь Христа: «кто изъ васъ болѣе, пусть будетъ всѣмъ слуга».

Для того, чтобы опредѣлить значеніе А. И. для нашей аудиторіи, нужно рассказать хоть вкратцѣ ея исторію.

Въ 1882 году при одесскомъ славянскомъ обществѣ, по иниціативѣ И. В. Карвацкаго, образовался небольшой кружокъ лицъ, рѣшившій положить основаніе будущему народному университету. Каждый членъ кружка внесъ живообразно на общее дѣло свою лепту и такимъ образомъ образовался фондъ приблизительно въ 1000 руб. на приобрѣтеніе фонаря, картинъ, тогда очень дорогихъ и пр. У администраціи было получено разрѣшеніе на открытіе въ Одессѣ народныхъ чтеній со входной платой въ 5 коп. Чтенія начались по воскресеньямъ въ Массовскомъ ночлежномъ пріютѣ и сразу привлекли всеобщее вниманіе. Спросъ на эти чтенія увеличился на столько, что помѣщеніе не вмѣщало всѣхъ желающихъ и многимъ приходилось отказывать. Само собою разумѣется, что помѣщеніе, предназначенное совершенно для другихъ цѣлей, не удовлетворяло ни гигиеническимъ, ни акустическимъ требованіямъ... Черезъ два года, благодаря субсидіи города, чтенія стали устраиваться въ наемномъ и приспособленномъ для этого помѣщеніи, по Ямской ул., вблизи кирхи. По сравненію съ прежнимъ оно показалось великолѣпнымъ. Предназначено оно было на 500 душъ, но часто вмѣщало до 800. Осенью 1885 г., по окончаніи университета, и я прим-

кнулъ къ числу постоянныхъ сотрудниковъ этой новой аудиторіи. Читатель можно было только то, что было одобрено, и число такихъ чтеній не превышало 50, изъ коихъ чуть ли не половина никуда не годилась. Хорошее чтеніе приходилось повторять въ теченіе одного года по 2—3 раза. «Нельзя было не замѣтить,—говорить А. И. въ своамъ докладѣ объ общедоступныхъ литературныхъ вечерахъ и лекціяхъ въ Одессѣ, читанномъ имъ въ московскомъ комитетѣ грамотности 25 января 1895 года,—что любимое чтеніе даже при любимомъ аудиторіей чтецѣ, повторялось въ одинъ и тотъ же сезонъ 2—3 раза, если и собирало попрежнему слушателей, то слушатели эти—контингентъ ихъ приблизительно былъ одинъ и тотъ же,—относились къ читаемому далеко не съ такимъ вниманіемъ, какъ въ первый разъ, и, казалось, недалеко то время, когда аудиторія вслѣдствіе постоянныхъ повтореній одного и того же лишится именно наиболѣе интересующихся и подготовленныхъ своихъ посѣтителей. А въ то же время коммисіи народныхъ чтеній понадобились деньги на устройство и поддержаніе второй аудиторіи, болѣе огромныхъ размѣровъ, въ одномъ изъ пригородовъ Одессы, на слободкѣ-Романовкѣ, гдѣ населеніе такъ бѣдно, что о платѣ, хотя бы въ 5 коп., нечего было и думать». Такой кризисъ стала переживать аудиторія особенно въ 1886 году. Въ это время у нѣкоторыхъ дѣятелей возникла мысль объ устройствѣ общественныхъ и литературныхъ вечеровъ и утръ. По мысли инициаторовъ матеріаломъ для чтеній должны были послужить художественныя произведенія русскихъ и иностранныхъ классиковъ, не входяція въ программы для народныхъ чтеній. Для такого дѣла нуженъ былъ опытный и авторитетный руководитель. О, если бы согласился быть такимъ руководителемъ А. И., въ то время читавшій въ Новороссійскомъ университетѣ свой курсъ лишь второй годъ, но уже успѣвшій приобрести искреннюю любовь и уваженіе учащейся молодежи, всегда такъ чутко умѣющей оцѣнить достойнаго избранника! Такое пожеланіе зародилось у всѣхъ.

Рѣшено было пригласить А. И. къ участію въ общемъ дѣлѣ и просить его принять на себя руководство. Я былъ уполномоченъ обратиться къ нему съ такой просьбой отъ имени вновь возникшаго кружка. Какъ сейчасъ помню, это было въ октябрѣ 1886 года. Я узналъ, что А. И. по дѣламъ принимаетъ у себя въ воскресныя утра. Явился я къ нему въ такое утро въ 10 часовъ утра и перешагнувъ порогъ его скромной квартиры съ нѣкоторой робостью и опасеніемъ услышать стереопипную въ такихъ случаяхъ фразу: „дѣло—то хорошее и я ему искренне сочувствую, но къ сожалѣнію, не имѣю досуга принять въ

немъ активное участіе“. Сильно волнуясь, я вошелъ въ его кабинетъ и отрекомендовался, а затѣмъ въ краткихъ словахъ объяснилъ ему причину и цѣль своего прихода. Понявъ, въ чемъ дѣло, онъ привѣтливо улыбнулся и, не задумываясь, сказалъ: «я радъ принять живое участіе въ такомъ симпатичномъ дѣлѣ, но научите меня, какъ это сдѣлать, объясните подробнѣе, какъ стоитъ дѣло сейчасъ, вообще, познакомьте меня со всѣми деталями и введите въ курсъ дѣла. Послѣ этого обсудимъ дѣло и набросаемъ планъ дѣйствій». Эти слова, сказанныя удивительно просто и сердечно, съ искреннимъ желаніемъ придти на помощь новому дѣлу, сразу привлекли всѣ мои симпатіи къ А. И.

Выслушавъ внимательно мой разсказъ о положеніи всего дѣла, А. И. отвѣтилъ: «Да, вашъ кружокъ хочетъ дѣло чтеній расширить, но обсудимъ-ка, какъ бы его еще и *углубить*. Устраивать лекціи для вашей публики, какъ я вижу, еще слишкомъ рано, но мы попробуемъ перекинуть мостикъ къ нимъ, попробуемъ не только читать художественныя произведенія русскихъ и иностранныхъ классиковъ, но еще дѣлать къ нимъ небольшія вступленія и объясненія, начнемъ пробуждать мысль слушателей и подготавливать ихъ постепенно къ умѣнной слушать доступныя лекціи. Въ видѣ опыта изрѣдка начнемъ и лекціи читать, хотя бы примѣрно такъ: полъ-вечера займемъ характеристикой автора, а затѣмъ будемъ читать и произведенія этого автора. Дѣло хорошее, и я весь къ услугамъ вашего кружка. Найдется ли только достаточно сотрудниковъ? Съ своей стороны, я приглашу кой-кого изъ профессоровъ. Пригласите-ка на этой недѣлѣ всѣхъ вашихъ сотрудниковъ, и мы совмѣстно обсудимъ окончательный планъ дѣйствій. Моя квартира всегда къ услугамъ вашего кружка. Я берусь исхлопотать разрѣшеніе у попечителя, а вы поскорѣе сдѣлайте меня членомъ Славянскаго Общества».

Наша бесѣда длилась болѣе двухъ часовъ. Необыкновенная привѣтливость, простота, скромность, искренность и задушевность А. И. настолько были новы для меня и полны очаровательнаго обаянія, что я увидѣлъ въ немъ не чопорнаго профессора, свысока смотрящаго на всѣхъ простыхъ смертныхъ, а *студента-друга*, лишь старшаго по возрасту и развитію. Это первое впечатлѣніе еще болѣе окрѣпло при дальнѣйшемъ съ нимъ сотрудничествѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, *инымъ* я не могу даже представить себѣ А. И.

Вѣсть о предложеніи А. И. не только расширить программу чтеній, но и поставить эти чтенія совершенно иначе, глубже по замыслу, дать слушателямъ нѣчто въ родѣ лекцій и подготовить ихъ постепенно къ настоящимъ лекціямъ, вѣсть о согласіи А. И. стать руководителемъ такого

новаго дѣла, о какомъ мы раньше и не мечтали, вѣсть эта всѣхъ членовъ кружка привела въ неописанный восторгъ.

Въ условленный день всѣ члены нашего кружка,—насъ было тогда шесть человекъ,—собрались у гостепріимнаго А. И. Мы набросали программу чтеній на весь годъ, обсудили характеръ вступленій и объясненій и рѣшили открыть чтенія немедленно послѣ разрѣшенія. Каждый обязался обдумать темы и намѣтить авторовъ для чтеній. А. И. предложилъ участникамъ собираться у него для составленія каждой программы для прочтенія не только намѣченныхъ произведеній, но и всѣхъ вступленій и объясненій къ нимъ.

А. И. исхлопоталъ у попечителя широкою программу чтеній больше, чѣмъ на одинъ годъ, и первый вечеръ былъ назначенъ на 11 января 1887 года. Живо вспоминаю эти счастливыя минуты! А. И. сумѣлъ всѣхъ насъ объединить и воодушевить такъ, что мы какъ одинъ человекъ, дружно принялись за работу. Программа перваго вечера была составлена такъ: А. И. взялся прочесть баллады Шиллера «Кубокъ» и «Перчатка», Г. Е. Афанасьевъ — «Приговоръ» Майкова, П. К. Борзакowski — поэму Лермонтова «Мцыри», а я — рассказъ Гаршина «Четыре дня» и стихотвореніе Майкова «Поля». Программу эту составили мы сообща и каждый подготовилъ вступленія. При репетиціи, по предложенію А. И., каждый записывалъ дѣйствительныя или мнимыя ошибки чтеца и по окончаніи чтенія высказывалъ свои замѣчанія. Замѣчанія эти обсуждались и принимались къ свѣдѣнію исполнителемъ. Въ поэмѣ «Мцыри» рѣшили сдѣлать нѣкоторыя купюры, но что именно можно было не читать? Больше часа мы обсуждали этотъ вопросъ. Безъ общаго согласія не былъ выброшенъ ни одинъ стихъ. Обсудили мы и вступленія. А. И. почти каждому сдѣлалъ свои замѣчанія съ удивительною деликатностью. Всѣ замѣчанія были поразительно мѣткіе и глубоки. Всѣ мы ушли съ сознаніемъ, что о лучшемъ руководителѣ нельзя и мечтать.

О вечерѣ было объявлено только афишами. Начинали мы дѣло скромно, безъ рекламъ, надѣясь, что самое дѣло привлечетъ симпатіи публики.

Тутъ нужно сказать, что дакеко не всѣ члены Славянскаго Общества, ведущіе народныя чтенія, раздѣляли наши надежды. Многие утверждали, что наше дѣло провалится, такъ какъ публика совсѣмъ не подготовлена къ серьезнымъ литературнымъ вечерамъ, носящимъ характеръ полуллекцій.

Каково же было удивленіе скептиковъ, когда первый же вечеръ ясно доказалъ, что начато хорошее дѣло и находится въ опытныхъ ру-

кахъ. Не говорю о матеріальномъ успѣхѣ—все билеты были распроданы и понадобились приставные стулья—нѣтъ, внутренний успѣхъ вечера былъ внѣ всякаго сомнѣнія. Многіе заявляли искреннюю благодарность участникамъ, говорили, что помимо пользы и удовольствія, провели вечеръ какъ-бы въ доброй, хорошей семьѣ, спрашивали, когда будетъ слѣдующій вечеръ, нѣкоторые тутъ же заявляли желаніе принимать участіе въ дальнѣйшихъ вечерахъ. Наши скептики были побѣждены и *повѣрили* въ наше дѣло.

Не буду утомлять вашего вниманія изложеніемъ устройства послѣдующихъ вечеровъ. Кто изъ одесситовъ ихъ не помнитъ? Своимъ успѣхомъ эти вечера всецѣло обязаны А. И., который руководилъ ими постоянно и сталъ ихъ душою. Ни одинъ вечеръ не проходилъ безъ его указаній и вліянія. Мы, мелкіе работники, вдохновляемые А. И., работали дружно и пользовались малѣйшимъ его указаніемъ. Вечера эти имѣли огромное культурное значеніе въ Одессѣ и послужили прямой дорогой къ тѣмъ лекціямъ, которыя теперь устраиваются въ этой аудиторіи. А. И. указалъ этотъ путь и повелъ по этому пути насъ, работниковъ, и публику, посѣщавшую эти вечера. Въ этомъ его неоспоримая заслуга. Безъ этихъ вечеровъ немыслимы были-бы никакіе курсы лекцій.

То, что А. И. сказалъ въ первую минуту, онъ проводилъ послѣдовательно и систематически до конца. Уже въ первый годъ существованія вечеровъ стали устраиваться эпизодическія лекціи. Читали эти лекціи А. И. Афанасьевъ и др. проф. Успѣхъ этихъ лекцій ясно показывалъ, что назрѣваетъ пора для устройства систематическаго ихъ курса.

Въ первый же годъ ихъ дѣятельности А. И. былъ избранъ товарищемъ предсѣдателя Славянскаго Общества. Не интересуясь различными дѣлами общества, онъ всецѣло отдался просвѣтительной его дѣятельности.

Матеріальный успѣхъ вечеровъ, не смотря на низкую входную плату, далъ возможность устроить аудиторію на Слободкѣ-Романовкѣ и вести народныя чтенія въ обѣихъ аудиторіяхъ бесплатно. Этотъ успѣхъ оказалъ также большое вліяніе на увеличеніе оборотовъ книжной торговли при аудиторіи.

Въ теченіе 2 — 3 лѣтъ дѣятельности успѣхъ литературныхъ вечеровъ настолько былъ великъ, что аудиторія не могла вмѣщать всѣхъ желающихъ. На эти вечера часто приходила публика въ двойномъ количествѣ по сравненію со вмѣстимостью аудиторіи. Бесплатныя народныя чтенія тоже привлекали огромныя массы. Все это заставляло думать о новомъ помѣщеніи, которое соотвѣтствовало-бы существующему спросу.

И тутъ А. И. пришелъ на помощь. Пользуясь огромнымъ авторитетомъ среди профессоровъ и представителей городского общественного управленія, своимъ вліяніемъ онъ помогъ быстрому рѣшенію вопроса о постройкѣ пынѣшняго зданія аудиторіи. Его слово въ этомъ вопросѣ было рѣшающимъ для гласныхъ и представителей общественного городского управленія.

Наша аудиторія всегда должна помнить А. И., какъ руководителя и инициатора того дѣла, которому мы сейчасъ служимъ. Кто знаетъ, во что превратились-бы народныя чтенія безъ его авторитетнаго руководства, — быть можетъ, эти чтенія и совсѣмъ прекратились-бы, — кто знаетъ, въ какомъ помѣщеніи пришлось-бы вести дѣло въ той или иной формѣ. Имя А. И. для нашей аудиторіи одно изъ самыхъ дорогихъ и памятныхъ. Хочется думать, что лекціонный комитетъ не ограничится сегодняшними поминками, а увѣковѣчитъ память дорогого учителя какимъ-либо хорошимъ дѣломъ, достойнымъ его имени. Хочется думать, что и городское общественное управленіе придетъ этому на дѣлу помощь.

10 октября 1893 г. наша аудиторія была открыта.

Въ день открытія А. И. произнесъ рѣчь о знаменитомъ Н. И. Новиковѣ, такъ много потрудившемся для русскаго просвѣщенія. Въ концѣ своей рѣчи А. И. высказалъ пожеланіе, «чтобы зданіе аудиторіи эксплуатировалось не только для народныхъ чтеній, но и для различныхъ общедоступныхъ лекцій по прикладнымъ знаніямъ, особенно для фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ». Какъ видите, это пожеланіе А. И. исполнилось въ полной и даже большей мѣрѣ.

И въ новой аудиторіи А. И. принималъ живѣйшее участіе не только въ чтеніи и устройствѣ лекцій и литературныхъ вечеровъ, но помогалъ и устройству спектаклей, намѣчая ихъ репертуаръ. Его отзывчивая душа на все откликалась. Всякое просвѣтительное дѣло, въ какой бы формѣ оно ни выражалось, было его *роднымъ* дѣломъ. Для такого дѣла онъ не зналъ усталости и отнималъ у себя то время, которое необходимо было для подкрѣпленія его ослабѣвшихъ силъ.

Маленькій фактъ, ярко рисующій, какъ серьезно онъ относился къ нашему дѣлу. По поводу устройства одного вечера назначено было засѣданіе въ 7 часовъ вечера въ моей квартирѣ, такъ какъ А. И. не могъ принять у себя. За часъ до засѣданія онъ прислалъ мнѣ записку о томъ, что придетъ на засѣданіе въ 7^{1/2} часовъ и просилъ начать засѣданіе безъ него... Поучительный фактъ для многихъ и многихъ общественныхъ дѣятелей.

Въ 1895 году А. И. переѣхалъ въ Москву на одинъ годъ, а въ декабрѣ 1897 года покинулъ Одессу навсегда. Въ моментъ его отъѣзда маленькое дѣло народныхъ чтеній разрослось до небывалыхъ размѣровъ. Онъ покидалъ уже не ямскую аудиторію, а обширное зданіе, вмѣщающее 1000 слушателей, зданіе, въ которомъ чего только не было: и народные чтенія, и литературно-музыкальные вечера, постепенно превратившіеся въ систематическіе курсы лекцій, и спектакли. Дѣло лекцій настолько разрослось, что потребовалось образованіе особаго лекціоннаго комитета. Въ 9 лѣтъ А. И. поставилъ дѣло такъ, какъ оно не стояло даже въ столицахъ. Онъ такъ всѣхъ сплотилъ, что за успѣхъ дальнѣйшій нечего было опасаться. Не даромъ онъ, пріѣхавъ въ Москву, прочелъ цѣлый рефератъ въ московскомъ комитетѣ грамотности о постановкѣ въ Одессѣ общедоступныхъ литературныхъ вечеровъ и лекцій. Закончилъ онъ свой рефератъ такъ: «Вы, конечно, понимаете, что все это сообщаю я не «къ свѣдѣнію» и не для того, чтобы похвалиться успѣхами одесскаго славянскаго общества на поприщѣ распространенія высшей грамотности. Если юная, разноплеменная, сравнительно съ Москвой, маленькая, узкопромышленная, какъ многіе ее считаютъ, Одесса, съ своимъ маленькимъ 25-лѣтнимъ университетомъ въ 500 человекъ, могла создать и поставить на ноги такое благое дѣло, какъ народные литературные вечера и лекціи для народа, можно-ли думать, чтобы старая Москва съ массой интеллигентныхъ пародолобцевъ, съ 4000-мъ университетомъ, матерью всѣхъ университетовъ русскихъ, не нашла бы возможности устроить въ 10—20 пунктахъ подобныя полезныя и умныя развлеченія для народа? Я долженъ признаться, что не успѣлъ еще осмотрѣться здѣсь; можетъ быть, такіе общедоступные вечера и лекціи съ дешевой платой, оттягивающіе по праздникамъ посѣтителей отъ кабаковъ и трактировъ, здѣсь и существуетъ. Но если ихъ нѣтъ или недостаточно, и нашъ комитетъ возьмется за устройство ихъ, я убѣжденъ, что поведетъ ихъ шире и лучше, нежели славянское благотворительное общество въ Одессѣ, тѣмъ болѣе, что онъ можетъ воспользоваться опытомъ послѣдняго». Какъ видите, А. И. и въ Москвѣ продолжалъ наше дѣло.

Въ 1897 году съ осени до декабря А. И. былъ въ послѣдній разъ въ Одессѣ. Въ это время небольшой кружокъ лицъ, бывшихъ дѣятелей ямской аудиторіи, затѣялъ изданіе «Литературной хрестоматіи для всѣхъ», имѣющей цѣлью подѣлиться опытомъ устройства литературныхъ вечеровъ съ тѣми, которые пожелають устраивать ихъ въ другихъ городахъ. И на это дѣло А. И. откликнулся съ свойственной ему сердечностью. Уѣхавъ изъ Одессы, онъ прислалъ для хрестоматіи характеристики Пуш-

кина и Гоголя и множество вступлений къ отдѣльнымъ литературнымъ произведеніямъ. Онъ постоянно писалъ мнѣ письма и давалъ цѣнныя для улучшенія изданія. Для второго выпуска, въ виду приближенія гоголевскаго юбилея, мы хотѣли непременно получить отъ А. И. характеристику Гоголя, между тѣмъ А. И. былъ обремененъ тогда всевозможными дѣлами и къ тому же чувствовалъ себя почти больнымъ. Не смотря на все это, онъ согласился дать статью о Гоголѣ, но просилъ указать крайній срокъ, прибавляя шутливо въ письмѣ: «Вы знаете, что я, какъ русскій человѣкъ, умѣю работать только къ крайнему сроку». Такой срокъ мы назначили 15 іюня 1901 года, но къ этому сроку я не получилъ статьи. Я понималъ, что только серьезная причина могла помѣшать А. И. исполнить свое обѣщаніе. 20 іюня я получаю вдругъ отъ него изъ Алушты телеграмму: «Посылаю Гоголя». Вслѣдъ затѣмъ я получилъ и самую статью въ два приѣма. Въ письмѣ отъ 26 іюня А. И. пишетъ: «Посылаю конецъ! Такъ мнѣ и пришлось дописывать все лежа! Каллиграфія сильно пострадала, авось смыслъ менѣе, но вамъ придется глаза испортить надъ корректурой».

Можете судить, какъ всѣ мы были тронуты такимъ удивительнымъ отношеніемъ къ общему дѣлу. Совсѣмъ больной,—мы и не знали объ этомъ,—посланный докторами въ Крымъ для полнаго отдыха, А. И. не внялъ требованіямъ докторовъ и *лежа* писалъ для хрестоматіи статью о Гоголѣ... Онъ зналъ, что близится юбилей Гоголя и хрестоматія нуждается въ его статьѣ...

Перебирая всѣ свои воспоминанія объ А. И., я не могу себѣ его представить *не работающимъ*... Бѣдетъ онъ за-границу въ Эмсъ (въ 1900 г.) по предписанію докторовъ и здѣсь онъ не можетъ остаться безъ работы. И тутъ онъ читаетъ, пишетъ, словомъ, дѣлаетъ все то, что ему запрещаютъ доктора...

Передъ отъѣздомъ въ Эмсъ А. И. прислалъ для хрестоматіи характеристику Пушкина. Въ письмѣ отъ 28 мая 1900 года онъ говоритъ: «Внѣшнимъ образомъ я исполнилъ все мнѣ указанное: здѣсь есть и главные факты біографіи, и историко-литературное значеніе Пушкина, и указанія на основныя идеи его важнѣйшихъ произведеній, но внутренно, боюсь, вы будете очень мало довольны моимъ писаніемъ. Да это и естественно: я не могъ брать этой работы съ собою за границу, ибо она все же требуетъ книгъ и бумагъ, а тутъ я писалъ въ послѣдніе дни, среди засѣданій, экзаменовъ и, главное, перевозки съ квартиры. При такихъ условіяхъ чего нибудь даже сноснаго, согласитесь, ожидать трудно... 1 іюня ѣду».

Боюсь, что мнѣ не удалось дать вамъ хоть слабое представленіе объ А. И., этомъ удивительномъ труженикѣ на поприщѣ русскаго просвѣщенія. Вся его жизнь—сплошной трудъ, безъ необходимаго для организма отдыха, трудъ до роковой минуты... Какъ вы знаете, смерть застигла А. И. во время занятій въ Румянцевскомъ музеѣ. Въ бессознательномъ состояніи въ креслѣ онъ былъ перенесенъ въ квартиру, а черезъ три дня его не стало... Вѣчно бодрый духъ А. И. пересталъ работать лишь тогда, когда лишился тѣлесной оболочки... Кто зналъ А. И., тотъ можетъ сказать, что А. И. не могъ умереть иначе... Онъ не покинулъ своего поста до послѣдней минуты и завѣщалъ намъ высокій примѣръ *просвѣтителя-гуманиста*...

Вся недолгая и свѣтлая жизнь А. И. мнѣ представляется какой-то чудной симфоніей. Смерть—точно послѣдній звукъ, послѣдняя замирающая нота сыгранной симфоніи. Симфонія эта кончена, а послѣдняя нота все звучитъ и звучитъ и тихо гдѣ-то замираетъ, точно уносясь куда-то отъ земли. Мы перестаемъ ее слышать, наше грубое ухо не можетъ уловить едва замѣтныхъ колебаній эфира, а нота все-таки звучитъ и звучитъ... Она такъ хороша, что ей позавидуетъ всякій и, если-бы эта нота могла снова зазвучать въ нашихъ ушахъ и перейти въ свѣтовые колебанія эфира, мы увидѣли-бы такой тихій и радостный свѣтъ и услышали-бы такую лучезарную мелодію, что многимъ изъ насъ съ нашей *жизнью* стало-бы завидно на эту *смерть*.

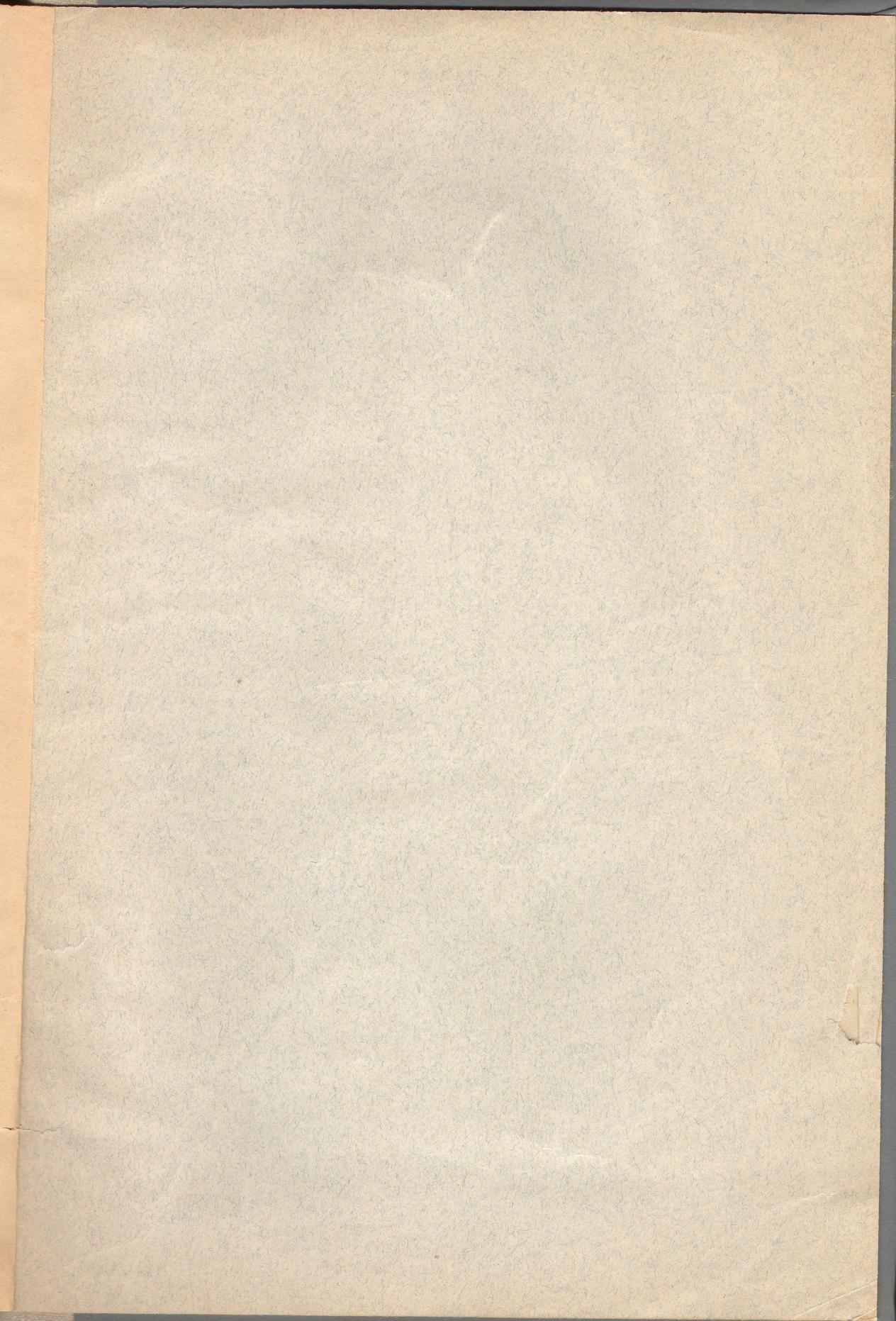
Вѣчная тебѣ память, дорогой учитель!
(«Одесск. Лист.» 13 мая).

М. Тимофеевъ.

42431

15424

211 K

20